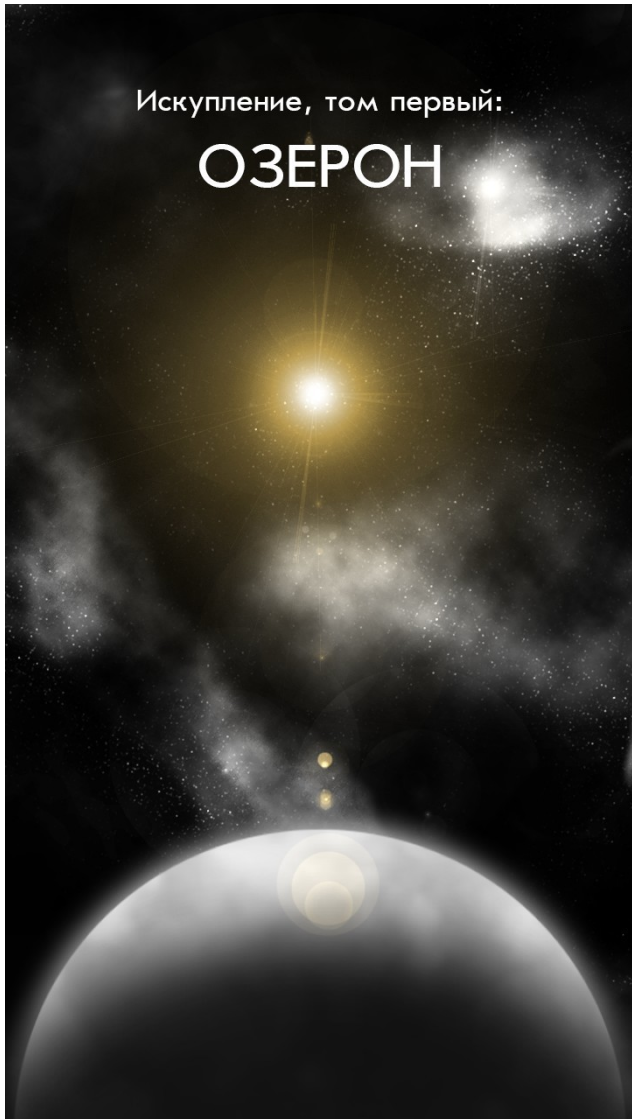

Искупление, том первый:

ОЗЕРОН

И. С. Торик

Искушение. Том первый: Озерон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24186144

Аннотация

История, близкая по духу к "Тяжело быть богом", рассказывает о планете Озерон и организации, известной как Корпус. В попытке взрастить и воспитать цивилизацию, агенты влияния Корпуса используют все возможные методы... Удастся ли им это?

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	6
СТАНЦИЯ.	10
КОРПУС. НАЧАЛО.	15
ДЕНЬ «А».	21
АКАДЕМИЯ.	39
ЗЕМЛЯ. Госпиталь	43
ОНА.	50
ОЗЕРОН. Открытие	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Оглавление

ВСТУПЛЕНИЕ

СТАНЦИЯ.

КОРПУС. НАЧАЛО.

ДЕНЬ «А».

АКАДЕМИЯ.

ЗЕМЛЯ. Госпиталь

ОНА.

ОЗЕРОН. Открытие

АКАДЕМИЯ. Перед отправкой на Озерон.

ОЗЕРОН. Эвакуация.

Госпиталь.

Историк.

Исход.

СТАНЦИЯ

АКАДЕМИЯ.

ОНА. Игра.

Поселение.

СТАНЦИЯ. Освобождение Готлиба.

ПОСЕЛЕНИЕ. ОН и ОНА.

Ночь.

ОНА.

СТАНЦИЯ. ГОТЛИБ

ОНА

ПОБЕГ.

АКАДЕМИЯ. Начало.

АКАДЕМИЯ. Безумие.

ОНА. Начало.

Академия

ОЗЕРОН. Последняя высадка.

Три месяца спустя.

ПОСЕЛЕНИЕ. Начало конца.

КОНЕЦ. Нет, правда, конец.

ВСТУПЛЕНИЕ

По классификации Корпуса существует два основных типа цивилизаций: агрессивные и пассивные – так выражается их реакция на внешние угрозы существованию. В свою очередь, каждый тип имеет разделение на «быстрый» и «медленный». Эти свойства характеризуют их отношение к прогрессу.

Обусловлено разделение жизненными кондициями видов: в благоприятной среде, без форсирующих эволюцию экстремальных условий, где разумность – всего лишь результат развития, появляются пассивные цивилизации. Внутривидовая борьба выражена слабо, периоды развития продолжительные. Такие цивилизации редко появляются и редко самоуничтожаются – вырабатываемая ими философия и многообразие форм жизни исключали подобные варианты развития. Они не борются с природой, а приспособляются к ней. Планеты, заселенные пассивно-медленными цивилизациями, можно считать поистине жемчужинами в необъятной пустоте Космоса. Гармония с окружающим миром и желание постичь тайны мироздания делает их непревзойденными философами и учеными. За редким исключением они колонизировали более трех-четырёх планет, предпочитая оставаться в пределах родной системы.

Корпус многое почерпнул из опыта возвращивания такой

цивилизации, переняв философию «невмешательства» и «помощи не более необходимого».

Цивилизации второго типа, пассивно-быстрого, эволюционируют не в пример быстрее вышеописанного вида, но медленней третьего и четвертого типов. Следование философии «приспособления и гармонии» дает им возможность быстро колонизировать новые миры, не нарушая хрупкого экобаланса. Аналитики Корпуса отмечают тот факт, что наиболее экспансивной в аспекте расширения ареала обитания являются цивилизации этого типа. Благодаря им множество небесных тел получили статус обитаемой планеты.

Агрессивные цивилизации возникают на планетах с частой сменой климатических сезонов, подверженных воздействию естественной радиации светила. Окружение формирует их мировоззрение – отнять, выбить, вырвать свой кусок у этого жестокого мира. Выжить любой ценой. Бездумное использование невозполнимых ресурсов превращает их путь в безумную гонку с самими собой. Десятки миров превратились в пустые каменные глыбы, отравленные токсичными отходами и полностью разрушенной экосистемой. Такой сценарий характерен для агрессивно-медленных видов. Только некоторая неспешность прогресса позволяет им выкарабкиваться из бездны самоуничтожения и постепенно осваивать вселенские просторы. Обычно первая колонизация для них – бегство с безнадежно загубленной родной планеты. При должном контроле такие цивилизации становятся

лучшими разведчиками и несравненными техниками, становясь первопроходцами звездных далей.

Самая тяжелая судьба у четвертого типа – агрессивных по духу и быстрых в технологическом развитии одновременно. Истории развития таких цивилизаций бережно собираются Корпусом – за все время удалось зафиксировать их всего пять. Некоторая изначальная обреченность прослеживается в их развитии. Заняв доминирующее положение в пищевой цепочке родной планеты и истребив естественных противников, они начинают свой путь к концу. Перенаселенные миры, истязаемые бесконечными войнами и эпидемиями, в результате превращались в ужасные братские могилы – ни одной цивилизации четвертого типа не удалось выйти в космос. Выживая в и без того жестоких условиях, они только усугубляли свое положение, постоянно создавая новые кризисные ситуации.

Их миры горели в безумии ядерной войны, умирали от искусственно выведенных вирусов, задыхались отравленной атмосферой.

За пяти тысячелетнюю историю существования Корпусу удалось простимулировать и вывести в космос одну цивилизацию медленно-пассивного типа. Сейчас их воспитанники с энтузиазмом осваивают систему и готовятся к первому межзвездному перелету.

По одной агрессивно-медленной и пассивно-быстрой находятся под контролем и в скором времени запустят первые

космические аппараты на орбиты родных планет. Еще десятков находится под неусыпным вниманием Наблюдателей – разумная жизнь только-только зарождается на этих планетах.

И ни одной цивилизации четвертого типа. Пять попыток. Пять черных страниц в истории Корпуса. Пять планет, к которым пришлось применить «Милосердие». Жуткие памятники безумию, безмолвно вращающиеся вокруг злое-ще-желтых звезд.

На заре шестого тысячелетия появилась надежда – Озерон. И Корпус намерен выиграть эту битву.

СТАНЦИЯ.

Пробуждение от криосна происходит всегда одинаково – вам кажется, что морская пучина затягивает все глубже, не хватает кислорода, тело стремится вверх и пытается освободиться от липких оков бездны. Подсознание диким рывком вытаскивает из темноты на поверхность остатки разума. Последние секунды наполнены всепоглощающим ужасом от того, что легкие никак не могут начать работать, а голову словно погрузили на дно Марианской впадины, наполненной киселем – и вот ты очнулся. Резко расширившиеся зрачки и быстро дергающиеся конечности. Первобытный бесконтрольный страх улетучивается за доли секунды, оставляя в напоминание о себе лишь хриплое дыхание и боль, заполняющую все вокруг. К этому невозможно привыкнуть.

Тридцатьседьмой молча держится за раковину слабыми после пробуждения руками. Холодный металл успокаивает горящую кожу. С закрытыми глазами он слушает, как течет вода. Вместе с ней в сточную трубу уходит тот океан боли, в который сейчас погружен его мозг. Шум крови в ушах все тише и тише. Божественная тишина. Благословленная тишина. Боль уменьшается, становясь сладкой. Свойственная выздоровливающим полуулыбка тронула его губы.

–Сэр, вы в порядке? – холодный металлический голос безжалостно разорвал на кусочки покрывало тишины. – Сенсо-

ры за полчаса не заесли никакого движения.

«Чертова параноидальная железка» – с усилием приподняв свинцовые веки, Тридцатьседьмой хмуро изучает отражение в зеркале. Три месяца сна, а все равно тому типу за стеклом явно не помешает вздремнуть. Крупные скулы напряжены, от боли нижняя челюсть выдвинулась немного вперед. Густые брови сдвинуты в болезненной спазме. Короткие жесткие волоски ровнотемным слоем покрывают щеки и горло. Хотя это и было невозможно теоретически – криосон подразумевает торможение всех процессов в организме в миллионы раз, так что три месяца сравнимы были бы с мгновением, – но трехдневная на вид щетина видимо и не подозревает о таких условностях.

– Все нормально, Готлиб – онемевший язык мешает четко произносить звуки, как и ледяное горло. – Готовь завтрак.

За восемьсот лет можно привыкнуть ко всему. Даже к тому, что к вам приставлена робонянька в виде голубоглазого андроида, готового защищать вас до последней капли биогеля и убить при необходимости одновременно. Не менее привычной становится и станция, запрятанная глубоко в астероид – иногда он готов даже назвать ее своим домом.

Полчаса спустя. Тридцатьседьмой полулежит в уютном кресле комнаты управления и просматривает архивные записи новостных трансляций. По всем имперским каналам говорят только об одном – пуск в эксплуатацию станции «Маррака-1». Ее называют Первым Чудом Света, Рогом

Изобилия, Источником Богини и другими лестными именами. И есть за что: атомная электростанция Маррака-1 обеспечила все западное побережье Империи электричеством и сотни тысяч человек – работой. Первая из должных быть построенными на пяти великих реках Империи станций.

По форме АЭС напоминает звезду – символ Империи. Это не просто прихоть архитектора, но инженерные соображения. Пять реакторов, расположенные в «лучах» звезды, полностью автономны. По мощности стен, укрепленных свинцовыми щитами на случай аварии, и количеству охраны такая станция сравнима с крепостью. Сотни открыток, фотографий и ежедневные репортажи – соперничать с ней по популярности могла бы только Богиня, внезапно материализовавшаяся на центральной площади Фериса¹.

Совсем другие новости приходят с севера – небольшая АЭС, построенная на месяц позже, заслужила только одного репортажа об открытии, да и тот выглядит как-то серо и вымученно. Официально, основное предназначение – проведение экспериментов. Черно-белая фотография сделана специально так, чтобы не показать, а скрыть как можно больше.

Поведение северянстораживает – они не смиряются просто так с потерей инициативы в мировой экономике и политике. Весь мир гремит о Марраке, ведутся дебаты – безопасно ли это? Не станет ли быстро растущая на дешевом электричестве Империя гегемоном в мире? Станет ли это методом политической игры и шантажа? Неужели нашли пана-

цею от кризисов? На фоне всеобщего возбуждения угрюмое молчание Северной Республики просто необъяснимо. Без детального расследования на поверхности планеты не обойтись.

План, разработанный Тридцатьседьмым еще в Академии, вступает в самую сложную и опасную фазу. На кону будущее Озерона и четвертого типа в целом. Тревожно теребя мочку уха, он перечитывает материалы, ища хоть малейшую зацепку. Мысль ускользает, теряясь во множестве ее сестер, беспорядочно загромождающих ум. Это вызвало легкое раздражение, несколько упорядочившее бесформенный поток сознания.

Неожиданно злость заполнила каждую клеточку – так бывает, когда даже глубокий анализ не дает искомого результата. Резко вскочив, он зашагал по комнате. Мягкий ворс глушит тяжелые шаги. Автоматически подойдя к разложенной на столе карте, он сверился с координатами и поставил аккуратную точку на берегу реки и подписал «Маррака» – к списку важных объектов на территории Империи и Республики прибавился еще один пункт. Неосознанно постукивая по металлическому краю стола автоматической ручкой, он потянулся, чтобы отметить АЭС Республики. Вдруг пальцы замерли. Поразмыслив, он повторил последнее движение – оторвал ручку от одной точки и по параболе переместил к другой. В горле мгновенно пересохло. Он посмотрел на дисплей браслета – двести дней. Времени катастрофически не

хватает, но все же небольшой запас есть.

–Готлиб, подготовь шаттл, отбытие через три часа.

КОРПУС. НАЧАЛО.

Красный свет тревоги и разрывающая барабанные перепонки сирена подгоняют бегущего по коридорам техника, играя туго натянутыми нервами такие мелодии, что сердце скоро взорвется от давления перегоняемой крови.

Содрогающаяся палуба и тонкий свист вырывающегося сквозь пробоину воздуха только добавляют адреналина в кровь. Застегнуть на ходу гермокастом и приготовиться к эвакуации – задача не из простых, но сейчас от ее решения зависит, выживешь ты или нет, а времени катастрофически мало. Трясущиеся от возбуждения руки не способствуют положительному результату – никак не удается вставить шлем в нужные пазы.

Неожиданный толчок и рвущийся под ногами металл. Гигантский, невозможный в обычных условиях прыжок – отказала система искусственной гравитации. Он выругался, ударившись головой о потолок, но адреналиновая пелена перед глазами несколько спала. Закрепив все-таки шлем, быстро отталкивается от переборки. Энергичный гребок руками – вперед, сквозь искореженный коридор, к спасательным капсулам. Уворачиваясь от кусков обшивки и труб, разорванных чудовищным давлением, он помянул добрым словом создателей инженерного костюма. Разработанное для работы в космосе, это чудо технической мысли предохраняет от ради-

ации и сверхнизкой температуры, система регенерации воздуха поддерживает необходимый уровень кислорода более двух суток, а уж утилизация отходов вообще не имеет себе равных. Светоотражающая поверхность хранит маленький секрет – нанороботы, оперативно устраняющие повреждения и усиливающие в нужный момент эластичный материал до крепкости титана.

Эти свойства спасли ему жизнь – взрыв разорвал напополам космолет, выбросив закованную в скафандр фигурку прямо в пробоину. Разом наступившая неестественная тишина ужалила сознание, выбивая последние крохи здравого смысла.

Вспомогательный крейсер, осуществлявший прикрытие дредноута Империи, только что перестал существовать как боевая единица – теперь это лишь облако стремительно разлетающегося во все стороны металлолома вперемешку с останками экипажа.

Отлетая в сторону открытого космоса, он становится невольным свидетелем эпической картины разворачивающейся битвы. Беззвучной, и от того еще более трагичной и жуткой. Дредноут, гордость флота Пяти Солнц, угрожающе навис над окутанной голубоватой дымкой планетой. Состоящий из пяти проржавевших от кончика радиолокатора на носу до дюзовой камеры на хвосте флот авианосцев повстанцев пытается отсрочить неизбежное – орбитальную бомбардировку. Еще пару минут – и в Галактике одной радиацион-

ной свалкой станет больше.

Подавляется восстание безжалостно. Дредноут уничтожает даже эвакуационные корабли, прорывающиеся к нуль-врагам. Роем окружившие гиганта легкие истребители пытаются отвлечь внимание, быстрыми и колючими ударами заставляя сосредоточить огонь на себе. Дредноут уязвим пока готовится к запуску сотня баллистических ракет.

Полускрючившись, протягивая руки в отчаянной попытке ухватиться хоть за что-нибудь, летит сквозь ледяную пустоту закованный в скафандр техник. Песчинка жизни в мертвой бесконечности. Мысль о неотвратимости конца настойчиво пробивается сквозь пелену паники. Тщетность действий перед неумолимостью судьбы. Он постепенно затих, судорожно дыша.

Все еще пытающиеся одолеть гиганта повстанцы несут потери. Периодические яркие вспышки означают смерть еще одного пилота. Взрывается алым цветком пламени центральный авианосец, получив протонную торпеду в лоб. Два других повреждены, но все еще боеспособны.

Еще одна самоубийственная атака эскадрильи, старающейся поразить ахиллесову пяту гиганта – сопла. Ценой десятка жизней удалось обездвижить врага – тараном выведен из строя главный двигатель. Сейчас внутри корабля творится суший ад. Экстренно изолируются бесстрастной автоматикой горящие отсеки, не смотря на наличие в них выживших. Ремонтные боты пытаются устранить разгерметизацию.

Но радиацию от повреждения главной силовой установки это вряд ли остановит. Кажется, это победа повстанцев.

Ужасающе медленно съезжают защитные пластины пусковых шахт. Машина дредноута сотрясается агонией залпов. Первая десятка носителей апокалипсиса устремилась к поверхности планеты. С перерывом в три секунды лег на курс второй десяток. За ним – третий. Истребители в отчаянной попытке сделать хоть что-то несутся на перехват, но слишком поздно – каждая ракета рассыпается на еще десяток боеголовок. Через двадцать семь секунд адская паутина полностью опутывает обреченный мир.

Некогда голубоватая дымка сменилась кроваво-алым свечением. Сотни зияющих ран в одну секунду открылись на беззащитном теле планеты.

Всклоченное сознание замерло в ледяном ступоре. Перед глазами застыла картина: на фоне пылающей планеты темными пятнами выделяются космические корабли...

Инерция несет его сквозь угольно-черное пространство с редкими светящимися вкраплениями звезд. В дело вступили кризисные программы, добавив малую толику усыпляющего газа в систему регенерации кислорода. Глаза постепенно закрылись – отключилось перегруженное сознание. Последняя мысль, скользнувшая по краю сознания, оставила горькое послевкусие: «Эх, долететь бы до дома и сгореть в атмосфере. Еще одна падучая звезда – загадай желание!». Техник наконец задышал ровно и мерно, но подергивающиеся веки

подтверждали – мозг ведет свою работу не смотря ни на что. Как и скафандр – аварийный маяк посылает короткие сигналы о помощи во все стороны, да только теперь вокруг лишь пустота, смерть и холод на световые года вокруг... Империя умеет подавлять восстания, пусть даже и планетарного масштаба.

Сутки спустя. Темноту командного центра обогрел свет тревожной лампочки на пульте управления. Оживший голубоватым светом экран выводит информацию о поступившем сигнале.

Сидящий в кресле внимательно ознакомился с ней. Поразмыслив, он подтверждает запуск спасательной программы. Зажужжали автоматы, готовясь перехватить источник сигнала бедствия. Мягко скользнула в ложе аварийная капсула. Пуск.

Серебристая капля отделилась от астероида. Немного повисев в пустоте, капля резко повернула в нужную сторону и на полном ускорении помчалась к невидимой цели. Идти по пеленгу – примитивно, но крайне эффективно. Вскоре аппарат настиг объект поиска. Осторожно магнитный щуп зацепил свернувшуюся на манер эмбриона фигурку. Затянув несопротивляющееся тело в мягкое нутро, капсула легла на обратный курс, попутно анализируя найденный объект и передавая информацию на станцию.

Скользнув взглядом по ежесекундно обновляющимся данным, силуэт в кресле нечеловечески резким движением

ем поднялся и направился к выходящему на поверхность шлюзу. К моменту прибытия капсулы он уже подготовил все необходимое для встречи неожиданного гостя.

—

Освободив техника от скорлупы скафандра, он подключил тело к автодоку. Аппарат сразу же запищал, обнаружив подозрительный предмет в большом пальце правой руки. Началась подготовка операции по удалению – автодок ввел обезболивающее. Внезапно техник забился в конвульсиях. Времени для раздумий нет – спасатель прижал локтем дергающееся в конвульсиях тело. В руке тускло засветилось энерголезвие – и он решительно отсек палец страдальца.

Он уже видел такое – в армии Империи всем вживляли чип, контролировавший ЦНС бойца. По ним идентифицировали личность, эти же чипы подавляли страх. И в случае пленения или попытки допроса чип выполнял истинное предназначение – уничтожал носителя, вызывая одновременное сокращение всех мышц до такой степени, что невозможно даже дышать. В результате, наступала смерть от асфиксии.

Видимо, осмотр автодоком и введение транквилизатора чип расценил как попытку допроса.

Дождавшись, пока автомат завершит необходимые процедуры, он отнес все еще бессознательного техника в свободную анабиозную камеру. Поразмыслив, он отправился в свою каюту, на дверях которой значилось: «А-2715. Андроид специального назначения»

ДЕНЬ «А».

Тяжелое марево нависло над землей. С трудом летают даже мухи, натужно гудя в неподвижном горячем воздухе. Горы вздымаются к бесцветным небесам, неся на своих склонах память о тысячелетиях. Они были свидетелями рассвета человечества, приютив первых людей в пещерах. Они же молчаливо наблюдают его предсмертную агонию...

По склону, растянувшись цепочкой, продвигается отряд разведчиков. Серая невзрачная форма без опознавательных знаков отлично маскирует их на фоне желтовато-серой травы и валунов.

Пот заливает глаза Историка. Отряд в пути уже третий день. Ноги давно перестали чувствовать что-либо, мозг работает автономно – перебежка от валуна к валуну, жесты Лиса и тихий голос Кранца из рации, ожидающего на точке. Усталость сливается с окружающим жаром, гнетет и пригибает к земле. Хочется прислониться к одному из этих горячих камней и уснуть в их тени. Отяжелевшее от постоянного напряжения сознание постепенно проваливается в безразличие. Терпкий привкус полыни во рту поддерживает некоторый тонус.

Еще пара перекатов из укрытия в укрытие – и вот уже они у входа в пещеру. Из полутьмы выступил суровый и угрюмый Кранц. Он молча показал им «следуйте за мной» и скрылся

в глубине.

Тяжело переставляя одеревеневшие ноги, Историк дотащился до конца залы. Сухой пол пещеры показался ему самым мягким ложем в мире. Он удовлетворенно закрыл глаза. Здесь им предстояло провести не меньше десяти дней, просто сторожа горный проход. После адского штурма города, где отряд был на самом острие атаки и дважды чуть не погиб в полном составе, эта миссия казалась извинением командования перед разведчиками, брошенными против танков и укрепленных позиций противника.

Но Историк не смог уснуть. Его расслабленный мозг напоминает сложный механизм, очень долго работавший на износ и требующий сейчас ремонта. Слишком много произошло за этот год. Из невнятной мешанины выпрыгивающих как пружины мыслей собралась картина...

Воспоминание. Это был первый потерянный город. Они должны прикрывать отступление – так называли власти панический бег всего живого из каменной ловушки. Никто не питает иллюзий – победить невозможно, можно только замедлить ход неумолимой машины уничтожения. Противник превосходит их по численности в пять раз, успеть бы унести ноги. Ставка делается на тактику полного разрушения – в руинах и на пепелище невозможно расквартировать гарнизон, нет запасов провизии и воды. А значит, противник вынужден ждать поставок, что позволит выиграть несколько дней, а может даже неделю.

Отряд Кранца держит под наблюдением центр города – при приближении противника должна сработать артиллерия, их роль как наводчиков неоценима.

Историк лежит на полуобрушенной крыше трехэтажного дома – постаралась вражеская авиация. Прошло несколько часов, но усталости нет – холодноватый воздух с частичками пыли несколько бодрит. Мягкая сажа и крошка делают ложе чуть удобней, чем просто жесткий бетон, на котором их учили вылеживать без движения по двадцать часов. Внимание сосредоточено на мелких деталях. Какое-то неуловимое движение в трехстах метрах от позиции привлекает его. Он прильнул к окуляру, попутно доложив по рации.

В прицеле он разглядел прячущуюся в руинах худую девушку в оборванном платье, осторожно грязными руками пеленающую младенца – тот лежит на бетонной плите. Слезы оставили на отощавших впалых щеках матери неизгладимый след. Поправляя сальную прядь, она нежно улыбается серьезному бутузу, аккуратно поддерживая его за голову. От резкого пронзительного свиста девушка удивленно поднимает голову, ища источник звука. Историк чуть не закричал: «Беги!», хотя это бы и не спасло от минометного снаряда, упавшего в метре от беззащитных и несчастных. В последнем бессмысленном порыве она накрыла собой ребенка...

Онемелые от напряжения пальцы сжимают цевье винтовки. К оцепеневшему сознанию Историка пробивается голос из рации:

– Пост три, цель поражена? Расчет семь-двенадцать вызывает пост три, подтвердите уничтожение.

«Сейчас я тебе все подтвержу. Лично» – собралась из кусочков ненависти мысль. Покинув крышу, он устремился в сторону позиций артиллерии.

Через пару часов. Кранц резко откинул подол палатки и уверенно шагнул внутрь. На полу лежит связанный Историк. Перевернув тело на спину носком сапога, Кранц присел на корточки.

Разорванная форма, разбитые в кровь костяшки, порез на щеке и ухмылка, заморозившая бы даже ад. Отведя взгляд, Историк сплюнул кровавый сгусток.

Кранц побагровел. Схватив за грудки и приподняв над полом безвольное тело, он зло зашипел:

– Ну что, герой-богатырь! Какого черта меня снимают с задания, а? Чтобы узнать, что ты здесь подрался как мальчишка с улицы?! – резкий удар по щеке, но ухмылка продолжает играть на губах Историка. А взгляд стал только еще более горящим.

Кранцу стало жутковато – таких людей он встречал редко. Для них броситься под танк с гранатой ничего не стоит, как и остаться добровольно у пулемета, прикрывая отход – даже приковывать не надо. Кранц аккуратно усадил его у стенки. Развязать руки он не рискнул. Достав из-за пазухи флягу, Кранц плеснул тепловатой водой на лицо Историка. Тот зафырчал от неожиданности. Хрипло задышав, он потрянул

головой. Из kloкочущего горла вырывались бессвязные слова:

— Они... В ключья!... Напополам! Даже закричать не успела!... за что?!?! Они не виноваты!!! Аррорхрг – еще один сгусток крови вылетает вместе с этим хрипом. – Капитан, мы никого не спасаем! Они гибнут! Они верят нам и гибнут!! За что!!?! – истеричные нотки сложились в песнь отчаяния. Закашлявшись, Историк завалился набок и продолжил что-то бормотать.

Кранц молча слушает этот поток. Что он может ответить идеалистичному юнцу? Жизнь не раз бывала гадкой. Сам он провел юные годы в Африке, где бал правили геноцид и насилие, жуткое и пугающее в своих масштабах. Где убить и съесть противника – норма. А изнасиловать после очередной перестрелки парочку пленных независимо от пола – вполне себе сложившаяся традиция. Головы на оградах деревень. Посаженные на кол пленники. И тысячи жирных мух, тучей кружащие над этими полуразложившимися кусками мяса. Звери и то гуманней убивают жертву. И даже не знаешь, кому бить за это морду.

Кранц потряс головой, сбивая наваждение. Он поднял не сопротивляющегося Историка, попутно освободив его от веревок. Боец стоит перед ним пошатываясь. Ну что же, нужно применить старое доброе «стимулирование армейским способом». Сам командир таких методов не любил, но они помогали – тысячелетия практики подтверждали эффектив-

ность технологии.

–Соберись, тряпка – звонкая пощечина. – Здесь и сейчас – еще одна оплеуха, но уже с другой стороны, обжигает щеку. – Жертвы будут всегда. – мутный взгляд Историка никак не прояснялся. – Мы здесь чтобы остановить врага. А такой раскисший кусок известно чего даже собаку не испугает – она помочится на тебя! – он потрянул посильней. – Один слабак тут – тысячи убитых там. И этот слабак сейчас – ты! – лицом к лицу, так что жаркое дыхание Кранца обжигает бледное лицо Историка.

Никакого ответа. Только глаза стали металлически-колючими, серьезными. Взрослыми. В эту долю секунды Историк постарел, казалось, на десяток лет разом.

–Командир, – хриплые слова с трудом вылетали из опухшего горла, задерживаясь на разбитых губах. – Ради чего убивать их? Нас?

Кранц горестно вдохнул. Еще один философ. И без них тошно. Молча поддерживая Историка, он потащил его к выходу. Тот не сопротивляется, лишь механически передвигает ноги, стараясь не споткнуться. Они добрались до наспех разбитой большой палатки с поблекшим красным крестом на боку. Откинув тяжелый полог, Кранц втолкнул Историка в полутемные недра.

Здесь на койках в невообразимой тесноте и жаре лежат те, кому не посчастливилось умереть быстро в поле. В нос ударил терпкий запах спирта, гноя, запекшейся крови, дав-

но не мытых тел и испражнений. Невесомая гипсовая пыль свербит в носу. Усталый санитар, невзирая на стоны, меняет повязку на голове очередного несчастного. Тяжелые капли сального пота скатываются на некогда белый халат, теперь безнадежно запятнанный желтоватыми потеками. Снятый бинт полетел в стоящее рядом ведро, наполненное такими же кровавыми тряпками. Медбрат, привычным движением отмотав свежий кусок марли, выудил из кармана пузырек и открыл его, от чего к адской симфонии зловония добавился душок фурацилина. Обмазав как следует повязку, он не церемонясь поднял голову больного, от чего бедняга заскулил совсем уж по-песьи. Быстро замотав ужасную рану в пол-лица, он оставил в покое несчастного, опустив его на черный, лоснящийся от пота сотен предыдущих мучеников, кусок каменной ваты, считающийся в армии подушкой.

Другие больные с ужасом ждут своей очереди на необходимую, но бессмысленную в этих условиях процедуру. Из-за разделяющей палатку металлической перегородки послышался визг пилы, вгрызающейся в кость. Высок этот звук, но крик, сдерживаемый кляпом, еще выше.

Историка чуть не выворотило наизнанку, он отшатнулся и задел рукой противно задрезавший медицинский столик. Кранц не дал ему упасть, схватив и подтянув за подмышки, от чего тот совсем стал похож на мешок. Санитар повернулся на шум и криво ухмыльнулся:

—Гляди, какой нежный. Небось, только от мамкиной юбки

отстал – гогоча, он указал на Историка пальцем. – А вот и мамка рядом. Ишь, как заботится. Выведи, а то сейчас пол заблюет, потом поскользнётся и к нам попадет.

Угрюмые обитатели палатки присоединились к неудачной шутке, сипло давясь натужным смехом.

– Заткнись, иначе спринцовку затолкаю куда нужно, потом долго выковыривать будешь – пообещал медбратау Кранц, выталкивая Историка наружу. Как раз вовремя – неуверенно шагнув, тот полусогнулся и начал шумно блевать.

Вышедший из палатки санитар вынес ведро с бинтами и поставил его Историку, чем вызвал у того еще один приступ тяжелой рвоты.

Хмурый Кранц стоял неподалеку, но спиной к действию. Рядом незаметно появился медик. Лейтенант сплюнул и вытащил из нагрудного кармана жестяной портсигар. Ловко выбив тоненькую папироску, потянулся за спичками. Поскребя щетину, грузный медбрат опередил его, достав из необъятного кармана халата зажигалку, и помог прикурить. Портсигар вернулся в карман. Они молча постояли пару секунд. Неожиданно санитар пожаловался вслух неизвестно кому:

– Обезболивающих-то нет, вот и латаем и режем их как есть, на живую. Посиди тут денек так вообще оглохнешь. Пусть покричит, зато живой останется. Нельзя не кричать, совсем больно иначе – он вопросительно посмотрел на Кранца. Тот передал ему дымящийся остаток папироски.

Крепко затянувшись, санитар продолжил свой монолог в

никуда:

– Говорят, раньше вот напластают тебя мечом как докторскую, тут уже не сшить, не перевязать – лежи, умирай, на кишки свои смотри. Долго, некоторые часами так отходили. А сейчас гуманизм, попали в руку или ногу – не велика потеря, лежи смирно, выковыряют кусочек, перевяжут где положено, вот и живой, и вроде как повоевал. Единственно, что может и отрежут чего, так ведь протезы не дураки придумали. А если куда посерьезней ранят – голова там, или сердце, или вообще граната-идиотка зацепила, так изволь помереть. Так нет же – еще одна крепкая затяжка, – живучие гады. Тот, с лицом-то – ему и глаз разорвало, и мозг задело, а все кричит, жить просится. А там уже опухоль, гнить начинает все. Ему бы в госпиталь, так тот разбомбили еще дней пять назад. А ты сиди с ними, мучайся. Тебя один, а их – десяток, и каждый день прибавляются – поток сетований закончился с последней затяжкой, и санитар вернулся в свой маленький ад, напоследок щелкнув бычок в рой мух, собравшийся во круг ведра.

Немного оклемавшийся Историк наконец разогнулся и угрюмо посмотрел на командира. Во рту стоит резкий противный привкус, до судорожного отвращения скрипят зубы. Кранц молча протянул небольшой флакон с янтарно-чистым содержимым. Отвинтив пробку, Историк принялся – виски! Острый запах алкоголя вернул некоторую реальность чувствам. Осторожно пригубив, он прополоскал рот

и сплюнул. Второй глоток мгновенно осушил флакон. Обжигающая жидкость быстро разогрела горло, стремительно опускаясь вниз. Перехватило дыхание, и уже через секунду мощный выдох очистил легкие от тяжелого духа полевой медицины.

Прояснившимся взглядом он обратился к Кранцу. Тот с хрустом размял плечи и повернул Историка к закатному солнцу. Неяркий багровый диск стремился скорее скрыться за горизонтом. Солнцу было не привыкать – тысячелетиями оно взидало с небес за тем, как копошатся люди на земле, убивая и калеча друг друга. Безмолвно принимало светило молитвы и стоны миллионов. Сколько побоищ и полей трупов оно освещало, сливая все краски в единый багрянец.

Молча они смотрели на этот закат. Легкий ветерок добавляет сухой шепот в безмолвие, внезапно повисшее над лагерем.

– Я не знаю, зачем убивают они – нарушил тишину Кранц. – но я знаю, зачем нужны мы. Остановить их. Наша одна смерть за сотни жизней других. Наша боль за спокойствие и счастье оставшихся. Не проси награды – еще плюнут на могилу, скажут дурак. Мог бы прекратить борьбу, остаться живым. Не слушай, их – обманывают. Слабые любят оправдания. Для них не ведомы ни честь, ни совесть. Мы – другие. Мы можем выстоять. Это наш ДОЛГ.

–

Протяжный гул и приглушенный грохот камнепада выво-

дит Историка из забвения. Схватив ранец и винтовку, он порывается было к выходу, но Лис схватывает его за воротник так, что тугая ткань врежется в горло. Булькнув что-то неразборчивое, он осел на трясущийся пол пещеры. Чертыхнувшись, Лис валит его ничком. Остальные бойцы попрыгали кто как мог.

Угрожающе трясутся стены пещеры, кажется, вот-вот обрушится ставший ненадежным свод. Мимо входа проносится мелкий щебень, дробно стуча о породу. Огромный кусок скалы с грохотом чуть не забаррикадировал выход. Ужас древнего человека перед природой вырвался на свободу и полностью овладел Историком.

– Лежи, дурак, авось пронесет. Там еще опасней. – Лис прижимает всем телом порывающегося встать бойца.

Через невыносимо долгую минуту земля успокоилась. В пещере сгустилась такая тишина, что ее можно резать ножом.

– Все целы? – уверенный голос Кранца разом прогоняет остатки страха. Со всех концов пещеры понеслось:

– Да.

– Цел, но прошу выдать новые штаны!

– Большею частью!

– А лицо болит от поцелуя с камнем – считается?

– Готов провести осмотр местности, командир. А то жутко не хочется больше здесь оставаться.

– Жив-здоров!

–Цел – просипел под тяжестью Лиса Историк.

–Так держать. – безулыбчивый Кранц не оценил юмора. – Радист, переключить прием на альфа-особый. Остальным – проверить амуницию и ждать дальнейших распоряжений.

Внешняя антенна чудом уцелела при обвале, так что связист быстро настроил приемник на нужную частоту.

–Товарищ лейтенант.. Альфа-особый. Вам нужно услышать – подавленный голос радиста сразу всех насторожил. Перед выходом с базы им выдали по аптечке, где помимо привычных медикаментов находилось по два пенала малинового и один серебристого цвета²... Но неужели ЭТО случилось?

Кранц выхватил протянутые наушники. По мере прослушивания его лицо сереет, превращаясь в непроницаемую маску. Медленно, контролируя каждое движение, он снимает наушники.

–Вывести на громкую связь – сильно напрягая связки так, чтобы не выдать дрожь в голосе, пророкотал Кранц.

Сквозь визг помех и завывания ионной бури пробивается искаженная волна:

–Автоматическая передача: использовано ядерное ОМП, всем подразделениям укрыться и ждать приказов. Повторяю, ситуация «А», использовано ядерное ОМП... – резкий треск прервал бесконечную монотонную запись.

Кранц внимательно следит за каждым – только бы не сорвались! В этот миг от одной искорки истерики вспыхнет

пламя безумия. Еще секунда и уже ничего не исправить.

–Бойцы...Братья. Мы знали, что этот день придет – прерывающийся, но крепнущий от слова к слову голос Кранца проникает в глубины мечущихся разумов. – Мы – солдаты. Нас учили как выживать в самых сложных условиях. Сейчас мы должны применить наши знания. Крепитесь, братья – он замолчал.

Прислонившиеся к стене бойцы почти прижались плечами друг к другу. Поникишие головы. Полные горя взгляды – каждый начал вспоминать то, что осталось там, за пределами пещеры. Только Лис привычно спокоен и логичен – достав счетчик Гейгера, он поводит им в воздухе. Прибор остался беззвучен. Шаг за шагом приближаясь к выходу, он внимательно следит за показаниями – усиливающееся потрескивание нервирует всех. У самого проема счетчик застрекотал как хор сверчков в лунную ночь.

–Фон в три раза выше нормы, но не смертельно – деловито начал Лис, но тут налетел порыв пыльного ветра. Хор слился в непрерывный писк. Рывком доскочив до центра пещеры, Лис метнулся к ранцу. Лейтенант сообразил на секунду позже:

–Отряд, слушай мою команду. Принять шесть таблеток радозина. Надеть защитные маски. Выполнять! – четко и уверенно приказал он.

Бойцы повиновались. Кранц облегченно вздохнул – все под контролем. Они справились, не поддались панике.

Следующие три дня можно описать одним словом – пустота. Они давно готовились к этому – бессмысленная война, которую с уверенностью можно назвать Третьей Мировой, шла уже год. Правда, здесь не было только двух противоборствующих сторон – в действительности, множество мелких конфликтов слились в один. Начавшаяся с того, что одни семитские племена побили другие семитские племена, война постепенно набирала все большие обороты – пожар народных волнений охватил сначала Африку и Аравийский полуостров, но это было привычно и не вызвало большого резонанса в мире. По сложившейся практике в эти районы отправили парочку авианосцев и забыли – у остального мира хватало и своих проблем. Затем этнические массы в Европе начали бунты и забастовки, призывая правительства прекратить военные действия против их исторических родин. Потом что-то не поделили Индия и Пакистан, но пока это были лишь приграничные стычки. Северная и Южная Кореи опять схлестнулись в борьбе неизвестно за что, в конфликт вмешался Китай и забурился котел войны на Востоке. США пригрозили экономическими санкциями Китаю, на что посол китайцев сдержанно улыбнулся, выписал на альбомном листе сумму долга Штатов перед Народной Республикой и попросил передать это президенту – пусть выплатят, а потом уже грозят.

Не отставала и Южная Америка – во главе с Кубой латинские страны начали повсеместно вытеснять со своей тер-

ритории иностранные компании, национализируя производство.

Беспорядки в Азии и Европе затронули и Россию – гражданские волнения охватили западную часть страны. Некоторые страны Восточной Европы попросили протектората у северной державы.

В общем, хоть и не было общего состояния войны, но критическая масса уже была почти достигнута. Последними каплями стали одновременный выход России и Китая из ООН, что фактически уничтожило организацию как таковую, и объявленный Джихад, формально за убийство Верховного Муфтия и Потомка пророка – меткий выстрел мирового терроризма, во всю мощь развернувшегося в эти темные дни, прямо в пороховую бочку.

Дальше начался ад на земле – каждый воевал против каждого. Уже неизвестно, где и какая война – толи гражданская, толи с внешним врагом. Все смешалось в тугой клубок бессмысленной агрессии и боли. Кто первым решился нажать на красную кнопку – неизвестно...

Последние три месяца отряд Кранца просто спасал гражданских по мере возможностей. Каждому из отряда было глубоко плевать, что и как там происходит наверху – здесь и сейчас погибали невинные. Всегда на острие атаки, быстрые и смертельные как удар стилета, разведчики научились быть самостоятельными и поступать по совести. Спаянные суровыми испытаниями, они знали, что никто из братьев не

сдастся и не предаст. Семья, в которую сейчас пришло горе.

На три дня они просто остались наедине с самими собой, прощаясь с теми, кто был дорог. Никто не включал радио – каждый чувствовал, что остались только они в девятнадцать, и никогда больше отряд не подчинится тем, кто сотворил Апокалипсис.

В конце третьего дня Кранц оглядел отощавших и мрачных бойцов. Пора действовать дальше. Решительно подойдя к приемнику, он включил поиск по частотам. На многих был просто треск эфира. На других кто-то вещал про Второе Пришествие, кто-то называл себя Повелителем Мира и требовал немедленно всем склониться перед его мощью. Были и такие, кто утверждал – это инопланетное вторжение, и они лично видели НЛО, сжегшие города. Теперь долг каждого – вступить в силы Сопротивления. Попался даже один Король Ящериц. И еще сотни подобных. В общем, безумцев осталось столь же много.

На военных частотах слышны переговоры уцелевших частей – они координируют действия, пытаются хоть как-то выправить ситуацию, организовывая эвакуацию из очагов поражения. Хотя, для некоторых война продолжалась, несмотря на очевидную абсурдность этого – на частотах штабов передаются бессмысленные приказы и требования.

Но чаще из приемника льются слезные просьбы о помощи на разных языках.

Слушая все это, разведчики преобразались. Апатия усту-

пила место привычной деловитости – они все еще живы, а вместе с ними и еще тысячи других. И где-то там нужна их помощь, их знания и умение выживать. Сейчас же главное – не умереть самим. Питаясь сухим пайком, они выжидали нужный момент.

На вторую неделю радиационный фон снаружи стабилизировался на отметке в полтора раза выше нормы. Впервые сквозь нависшие свинцовым щитом тучи выглянуло неяркое солнце. Теперь хотя бы можно было дойти до ручья. Пропущенная через угольный фильтр вода комом оседает в желудке, но это столь необходимая жидкость.

Установив еще пару антенн, они смогли принимать больше сигналов. Собирая по крупицам информацию из радиосводок и анализируя ее, они получили более-менее ясное представление о мире после дня «А».

Все крупные города перестали существовать, как и страны. Коммуникации разрушены полностью, спутниковой связи нет как таковой. Всюду экологические и гуманитарные катастрофы. Банды мародеров и рейдеров сотнями расплодились в пораженных анархией землях.

К концу четвертой недели приемник уловил странный сигнал. Сухой старческий голос спокойно передавал сигнал бедствия и координаты, дублируя их морзянкой. Найдя на карте это место, Кранц задумчиво покусывает карандаш – город в семидесяти километрах к северу от их позиции, там где раньше проходила линия фронта. Если быть более точ-

ным, то координаты соответствуют старому госпиталю.

Расчет неизвестного просителя верный – только с картами местности можно найти указанную точку, что автоматически отфильтровывает всякий сброд вроде бандитов. Плюс, это единственный появившийся сигнал в радиусе ста километров за прошедшие недели, а значит, наконец-то есть шанс начать делать хоть что-то.

Решившись, он вышел на площадку перед пещерой. Сидящие полукругом бойцы тут же вскочили и вытянулись по стойке смирно – как почувствовали, что сейчас командир обратится к ним с чем-то очень важным.

–Отряд. Мы больше не подчиняемся ничьим приказам, кроме велений долга, совести и зова сердца. Я призываю вас за собой. Наша помощь нужна людям в городе. Я уверен, что это гражданские. Возможно, они примут нас за врагов, ведь еще месяц назад наши страны враждовали. Но мы нужны им. – Кранц остановился перевести дыхание.

–Когда выдвигаемся, командир?

АКАДЕМИЯ.

Тридцатьседьмой угрюмо проверяет снаряжение. Выработанная веками процедура и доведенные до автоматизма движения позволяют мозгу не слишком сильно отвлекаться на это действие. Сейчас в его голове происходит то, чего и добивался Корпус многочисленными психотехниками и авто-тренингами. Лекции Академика хранились где-то глубоко в подсознании, в нужный момент появляясь словно из ниоткуда.

–Даже не пытайтесь их изменить. Здесь не поможет шоковая терапия – не пройдя преисподней, им не выстроить рай. Вы можете ускорить несколько этот процесс, убереечь от слишком тяжелых ошибок. Но некоторые ступени не перепрыгнуть. К великому сожалению, их не убереечь от рабства, расизма и прочих пороков цивилизации. Но можно убереечь от умопомрачения Темных Веков, инквизиции, геноцида, мировых войн, религиозного фанатизма. Будут кризисы, но ваша цель – подсказать им выход. Бесцветность голоса усиливает тяжесть слов.

–Помните, вы не можете вести их. Расставьте вехи, последуют ли они за ними – уже не ваше дело.

–К чему же тогда весь мой труд? – недоумение Тридцатьседьмого не знает границ. – Пусть сами растут и развиваются.

– Это свобода выбора. Вашу планету сгубило незнание альтернативы. Ваша история напоминает путь слепого по идущему вдоль обрыва карнизу – нелепые порывы, продиктованные страхом. И в конце, что логично, ваша цивилизация все-таки сорвалась. Но вы не видели и не знали другого выхода, не могли принять его. Идеи, казавшиеся блестящими, вели в бездну – так наш слепец хватается за торчащий корешок, не ведая, выдержит ли этот пруттик или же сорвется вместе с куском земли ему на голову.

С трудом поднялся Академик. По сухому щелчку свет погас. Мгновение спустя опустился защитный экран за спиной лектора. В иссиня-черной бесконечности мягко мерцают звезды. Призрачный свет залил залу, глуша лишние звуки. Сине-белое сияние придает лектору мистический ореол. Слова льются по серебристому потоку:

– Агент, помните! Мы не боги. Нам ведомы страх и жалость. Страх опоздать в помощи. Жалость к тем, кто слеп. Наши имена останутся неизвестными – что они, как не просто сотрясение воздуха? Наши дела останутся вечными. Не познавшие ужасов войны и голода поколения станут нашей единственной наградой – негромкие раскаты голоса заполняют каждый уголок, завораживая.

– Тяжело, порой невыносимо. Извиваемся, корчимся, кричим от боли и усталости. Отчаяние от сомнений и неудач. Таков наш удел. Соппротивление. Напоминание, что четвертый тип может быть другим. Мы можем быть другими, по капле

выдавливая из себя подлого и жестокого человека. Те самые десять праведников, что могли бы спасти Содом – каждое слово словно высекается в застывшем воздухе.

Переводя дух, Академик прислонился боком к столу и тяжело оперся о край. Тысячелетия искусственной жизни, в полумертвом состоянии. Ради таких вот моментов. На его памяти это был далеко не первый ученик. Скольких он проводил! Каждый раз после анабиоза он не мог вспомнить даже их лиц. Давно уже умерли в старой душе привязанность и любовь. Осталось только чувство вины и долга перед вот такими светлыми и совсем еще юными идеалистами, верящими в прекрасное будущее.

Тридцатьседьмой учащенно дышит – слабый наркотический газ дает о себе знать. Тихое шуршание одежды Академика, ступающего вдоль границ экрана. Серые глаза слабо искрятся от звезд. Вынув носовые фильтры, он глубоко вдохнул. Приятно разливается тепло по телу, разгоняя кровь по дряхлым членам. Он смотрит в необъятные глубины космоса – или это космос смотрит на него? Тоска щемит душу, выбивая последние крохи тепла. Оглянувшись на уснувшего Тридцатьседьмого, он немного сипло произнес:

–Каждый день, юноша, я мечтаю умереть. Мне кажется, что там, в анабиозной камере, притаился жуткий монстр, пожирающий каждый раз часть моих воспоминаний. Я боюсь, что однажды проснувшись, не вспомню, зачем это нужно. Ты все равно меня не слышишь. Еще один проклятый, верящий

в наши цели. – резко дернулся кадык, проглатывая комок. –
Еще ни разу не удалось победить природу. Только вера удерживает меня от острия бритвы – в хрупкой тишине громко хрустнули костяшки.

–Содом всегда уничтожается.

ЗЕМЛЯ. Госпиталь

На фоне огромного закатного солнца руины города выглядят особенно жутко. Черные остовы зданий, скрученные жаром и покосившиеся от ударной волны, вздымаются словно стволы невиданных деревьев. В центре этого страшного леса возвышается тренога – остаток телебашни. Казалось, что некий великан отломал ее вершину поиграть, да так и оставил лежать рядом.

Холодные глазницы выбитых окон с упреком смотрят на разведчиков, тихо пробирающихся по пустынной улице.

Прошел всего месяц после дня «А», а город выглядит так, словно покинут много лет назад. По безлюдным улицам неспешно гуляет ветер, поднимая и кружа что-то обгоревшее вперемешку с пеплом. Неестественная тишина давит со всех сторон. Та чинно-мрачная тишина, что нависает над полями особо жестоких сражений, напоминая живым о погибших здесь. Не стоит тревожить их покой резкими и ненужными звуками. Хочется бежать прочь и кричать, лишь бы разогнать это сгустившееся вокруг царство неподвижности и безмолвия. Но тяжелые ледяные мурашки бегут по коже, и предательски гнутся колени. Немая враждебность исходит от змеящихся трещин в земле, полуобрушенных зданий, останков техники.

Все вокруг помечено печатью яростной агонии – следы

высушенной солнцем крови, выщербленные выстрелами стены, мятые гильзы, наспех возведенные баррикады. Апокалипсис наступил, но люди уничтожали друг друга с тупой уверенностью, что это необходимо. Придавленный гусеницей разорванного танка скелет в обгоревшей неразличимой форме скалится из-под каски на всех вокруг. Жирная рыхлая сажа покрывает большую часть поверхностей и противно скользит под ботинками. Из чего она получилась думать не хотелось.

Историку казалось, что более ужасного и пустынного места придумать нельзя. Потихоньку сгущавшиеся сумерки нагоняют страх – чудилось, что теперь в тенях притаились те, кто выжил. Голодные, агрессивные и обезумевшие.

Сухой рокот моторов безжалостно разорвал это мертвое спокойствие. Вмиг вся мистичность происходящего улетучилась, возвращая сознанию неприятную резкость. Разведчики быстро переглянулись и рассыпались вдоль дороги, прячась в обломках. Мимо пронеслась колонна разномастных автомобилей, возглавляемая черным пикапом. Некогда мирные седаны, хетчбеки и мотоциклы теперь увешаны костями для устрашения и разукрашены пробоинами. Экипаж ни чем не уступает авто – такой сброд редко когда встретишь даже в самых грязных и криминальных районах. Но они не шли ни в какое сравнение с тем, кто ими управляет. Огромный лысый вожак стоит в полный рост так, словно и не в трясущемся и вихляющемся кузове пикапа, а за трибуной.

Даже сквозь рев и грохот слышно, как он кричит во всю луженую глотку: «Вперед!». Мощная татуированная рука указывает на север.

Госпиталь! – мысль обожгла Историка. Конечно, не будут же они просто так жечь топливо! Ценные теперь как никогда ранее стерильные бинты, медикаменты и морфий, собственная подстанция и парк автотехники. При должном умении там можно продержаться долго.

Еще не опала душная пыль, а отряд уже скользит в тених сквозь руины к закипающей вдали схватке. Как будто не было трех дней утомительного пути, ран и жажды – злость и адреналин кипят внутри каждого.

Бой в сумерках опасен – посеревшие краски делают неразличимыми своих и чужих. Лис и Кранц вместе провернули немало операций, но эту наверняка можно вписывать в учебники как образцовую.

Осаждающие явно бывшие гражданские – стреляют в воздух, дают клаксоны и включили все фары, нагоняя страх на притаившихся внутри здания. Бравада их, правда, несколько напряженная – лежащие у входа трупы напоминают, что не всегда можно взять числом.

Теперь атакующие притаились за выставленными полукругом машинами. Яростный крик обозначил начало второй волны атаки. Перекаченный наркотиками урод поднял автомат над головой и заревел как зверь. Еще доля секунды и вся остальная шайка рванула бы за ним и наверняка бы прорва-

ла оборону.

Первый выстрел Лиса попросту разорвал грудную клетку орущего и тот упал, фонтанируя кровью. Второй попал прямо в билиардно-блестящую лысину предводителя. Содержимое черепной коробки заляпало окружающих. Третьего не понадобилось – паника уже началась. Они повыскакивали из ненадежных теперь укрытий и рванули прочь из освещенного круга, пытаясь укрыться в здании. Защитники госпиталя оказались не из робкого десятка – затрещали автоматные очереди, прижимая недоносков к земле. Рванувшихся к машинам скашивают залегшие на крыше Историк и Лис. Всего лишь спустя пару секунд вместо наглых мародеров в кругу света боязливо жмутся друг к другу пара десятков перепуганных насмерть жалких существ. Внезапно все умолкло, как это бывает в момент перед важным событием – будто все заранее договариваются и знают, что именно сейчас произойдет тот самый переломный момент. Тугой хлопок и звон упавшего снаряда. Резкий, удушливый дым слезоточивой гранаты накрыл поле боя. Еще два снаряда с перерывом в секунду легли рядом.

Историк усмехнулся – так вот зачем Кранц приказал надеть противогазы и не вступать в прямой контакт. Блюющая и плачущая толпа в свете прорезающих клубящийся дым фар, выглядит ничтожно-смешно. Выскользнувшие из темноты разведчики вяжут их как снопы, раздавая чувствительные подзатыльники и не церемонясь в случае чего – особо

активных нейтрализуют ударом приклада в переносицу.

Защитники же как-то незаметно приняли на себя пассивную роль наблюдателей во всем этом действии, не мешая, но и не помогая бойцам заканчивать дело.

–Внимание, – тихо трескнули наушники. – Не отвечать ни в коем случае. Даже если будет огонь. Никакой стрельбы.

Тяжело сглотнув, Кранц вышел на площадку перед дверями госпиталя и скинул капюшон. Он снял противогаз, душный и жаркий воздух резко полыхнул в лицо, – дым уже успел рассеяться, но при первом же вдохе неудержимо захотелось чихнуть и заслезились глаза.

Темнота достигла той тягучести, когда с расстояния десяти шагов может показаться, что вы окружены непроглядной каучуковой сферой. Набрав в легкие побольше воздуха, он заговорил громко и отчетливо:

– Говорит капитан Кранц, отряд разведки Второго Ударного Корпуса. Мы услышали ваш призыв по радио. Мы не враги. – Пистолет тяжело стукнулся о выбитую брусчатку. – Я хочу войти внутрь один и поговорить с Кимом.

Ответом была лишь тишина. Огромное здание молча смотрело пустыми глазами выбитых окон на этого странного человека. Кранц чувствовал – его разглядывают, изучают. Ведь стрелял же кто-то из этих самых окон! Внезапно входная дверь громко загудела заржавленными петлями. Свет ручного фонаря после мгновений темноты слепит так, что Кранц прикрыл ладонью глаза.

Когда немного прошел световой шок, он смог разглядеть двух дюжих парней, держащих его на мушке автомата. Человека с фонарем было не различить.

– Пусть ваши люди тоже сложат оружие – высокий старческий голос прорезал напряжение.

Кранц скрипнул зубами, но дал знак. Шесть теней выскользнули из темноты и аккуратно встали за его спиной. Через секунду тихое звяканье металла подтвердило выполнение приказа.

– Благодарю – фонарь опустился, и Кранц смог различить невысокого сухопарого человека в лабораторном халате, неспешным шагом идущего к нему. Двое у входа напряглись, но жест старика заставил их опустить дула автоматов.

– Профессор Ким – приблизившись, старик протянул сухую маленькую руку. Кранц снял перчатку. Рукопожатие получилось неожиданно крепким – ладонь оказалась жилистой.

– Простите это недоверие. Вы и ваши люди нас спасли, но трудно быть уверенным, что вы просто не ограбите нас. – Негромкий голос звучал мягко. Взглядом же старик оценивал и изучал Кранца, не выпуская его руки. – Все-таки некоторое время назад мы считались врагами.

– Господин профессор, прекрасно понимаю ваши опасения – Кранц широко улыбнулся. – Но будьте уверены – мы здесь для защиты и помощи выжившим.

– Это приказ вашего командования? – подозрительно при-

щурился Ким. Рука мгновенно отвердела, сдавив костяшки. Разведчик оценил профессиональность захвата – наверняка в молодости профессор занимался единоборствами.

–Нет. Это инициатива полностью моя. Как я понимаю, нет больше тех стран, что боролись, а значит и нет вражды между нами– хватка стала еще более крепкой, но Кранц не сопротивлялся. Долгий, пронзительный взгляд раскосых глаз, в конце концов, потеплел. Затянувшееся рукопожатие закончилось мягко, почти дружески.

–Необычно встретить такого человека в это время. Что-то подсказывает мне, что вы искренны и честны. Прошу войти. Ваши люди получают должный кров и питание. Ночью бандиты не посмеют нас атаковать в здании, а оставлять вас снаружи было бы верхом неблагодарности.

–Приятно, что мы нашли общий язык, профессор – мелкий пот скатывался со лба Кранца.

Этот разговор абсолютно не вязался с окружающей действительностью. Бывалый вояка и престарелый профессор, два человека честного слова и дела, нашли друг друга на просторах выжженного мира, даже и не подозревая, насколько важна их встреча. Под мерцание звезд они вошли в угрюмое здание.

ОНА.

Парящий в облаках город блестит в лучах восходящего солнца. На крыше стоэтажного небоскреба никогда не бывает спокойно – ветер с ревом норовит вышвырнуть вас. Неприметная фигурка вжалась в сухой керамобетон крыши, спокойно настраивая оптику снайперской винтовки. До начала операции остается всего ничего, пара минут. Никакого волнения, все просчитано заранее.

Серый плащ маскирует распростертое тело, черные защитные очки фильтруют яркий солнечный свет, убирая блики. Тихо пискнул наручный браслет – пора! Приклад уперся в плечо. Пальцы легли на курок. Дыхание приостановилось.

Мельтешение аэрокаров на уровне восьмидесятого этажа внезапно замедляется. Автоматические системы упорядочили и приостановили движение на пару секунд. Этого достаточно. Прильнув к окуляру, девушка в долю секунды вычислила цель. Несущийся на полной скорости бронированный аэрокар получает заряд плазмы в корму и вспыхивает как спичка. Густой дым повалил из стремительно теряющего высоту аппарата. Взвыли сирены, дежурные автоматы спасения понеслись на перехват пикирующему транспорту. Еще три метких выстрела выводят из строя неожиданных защитников.

Быстро отсоединяя ставшие ненужными крепления, она

покатилась вниз. Сорвавшись с края крыши, медленно отсчитывает секунды – раз, два, три. На четвертую переворачивается ногами вперед. Тормозящий эффект чуть не выбивает клацнувшие зубы, ноги кажутся пружинами – сработали магнитные подошвы. Теперь снайпер на крыше армейского гравилета – маленькая услуга местных властей. Быстро вскрыв люк, она занимает место пассажира. Пилот без лишних вопросов стартует, выводя в крутой вираж аппарат. Ускорение вжимает в противоперегрузочное кресло, выдавливая воздух из легких. Но это лишь первые две секунды. Потом машина стабилизировалась и медленно поплыла к месту падения.

Можно перевести дух. Злобно посмотрев на пилота, она ругнулась – чертова железка выполнила все безукоризненно, но как всегда не удержалась от этой глупой шутки с перегрузкой.

Голубоглазый андроид в форме Сил Порядка не обратил на это никакого внимания, продолжая вести гравилет к цели.

Над местом падения уже кружат спасательные вертолеты. Опасливо обходя столб дыма, они поливают пеной горящие обломки. Зависнув неподалеку, пилот просканировал местность – выживших нет, объект уничтожен. Мягко развернув неповоротливый аппарат, они улетели в сторону виднеющегося неподалеку космопорта.

Через пару дней Основатель слушал доклад. Торговец наркотиками, угрожавший захватом власти в городе, устра-

нен без потерь. Силы Правопорядка ищут неизвестного стрелка, правда, не очень активно. В целом, задание выполнено.

Подняв усталый взор, он удивился, как же она выросла. Стройной, закаленное в тренировках тело, обтянутое мягкой тканью, излучает женственность. Прямые черные волосы собраны в тугий пучок. И глаза. Колючие, замораживающие застывшей в них болью.

–Признателен вам за столь оперативное выполнение задания. Можете быть свободны до следующего приказа – кажется, эту формулировку он придумал еще после ее первой миссии.

–Корпус всегда на страже – ответила она в традиционной манере.

ОЗЕРОН. Открытие

Ветерок гуляет по улицам еще спящего города, разметывая неубранный мусор и опавшие листья. Последний месяц осени – самое грустное время в любой точке Галактики. Уже улетели перелетные птицы, и по утрам холод напоминает, что скоро наступит его царство.

Тридцатьседьмой встречает рассвет у окна, задумчиво перечитывая заголовок утренней газеты. «Союзу быть!» – оптимистично вещают крупные черные буквы заголовка. То, что Готлиб посчитал малозначимым и не включил в свой отчет, сразу бросилось в глаза Тридцатьседьмому. Обычно о мире громко кричат те, кто готовится к войне.

Эта новость полностью изменит Озерон. Являясь полностью мононациональными, страны северного материка традиционно не создавали никаких союзов, кроме военных в особенно сложные времена. За последнюю сотню лет не было даже намеков на объединение – слишком сильно каждый народ ценил свою независимость. Новообразованный союз же противоречит всем устоям. Отменяет границы, по сути превращая весь север континента в одно мощное государство. В планах, как не сложно догадаться, создание единой валюты и правительства.

Беспрецедентный в истории Озерона шаг. Тридцатьседьмой внимательно взгляделся в черно-белую фотографию на

развороте. На ней лидеры государств, точно мальчики церковного хора, выстроились в одну линию на фоне флагов. В центре – идейный вдохновитель Союза, премьер-министр Республики – Буро Онеже.

Тридцатьседьмой еще раз сверился с базой данных. Нет, такого сочетания имени и фамилии не было в списке «вдохновленных». Оставляя сорок лет назад Озерон с «вдохновлёнными» первооткрывателями авиации, двигателя внутреннего сгорания и радио, он долго раздумывал, стоит ли дать знания о радиации или повременить. Но времени практически не оставалось, все ближе роковой год, а миссия и так затягивалась. Рискую форсировать события, он все же «вдохновил» стандартные пять кандидатов в первооткрыватели. И перестраховался – параллельно, в тайне от Корпуса, он все же «вдохновил» трех философов, которые должны были дать идею об объединении Озерона, стремлении в космос и только мирном использовании энергии атома.

Вернувшись на планету, Тридцатьседьмой попытался найти их. К сожалению, ни один из них не выжил – двоих в раннем возрасте сгубила пневмония, а третий попал под колеса автомобиля, даже не успев закончить институт.

Вторичная подготовка могла бы исправить дело, но это означало потерю еще не менее пары десятков лет. Он уже почти отчаялся, как тут появилась эта новость. Чутье агента влияния подсказывает, что это результат того решения. Теперь в и без того сложную программу коррекции добавилась

еще одна неизвестная переменная.

Действовать необходимо быстро и решительно. После пятой чашки крепкого до горечи чая, он нашел решение. Элегантное и эффективное.

Сыграв на пристрастии человека к мистике и некоторой доли паранойи, на раннем этапе коррекции он решил прибегнуть к помощи тех, кого всегда ненавидел. Создание тайных элитных сообществ, эдакий профсоюз для определённых слоев общества – заслуга, которой Тридцатьседьмой не хотел гордиться, но благодаря им на планете его всегда ожидали апартаменты, некоторое количество актуальной на данном этапе исторического развития валюты и пропуск туда, куда обычным смертным вход заказан. Достаточно просто навестить главу организации и рассказать несколько увлекательных фактов из его биографии – Готлиб всегда поддерживал в актуальном состоянии соответствующий раздел в базе данных станции. В целом, все эти Великие Магистры, Архонты, Всевидящие, Бессмертные и прочие, возглавлявшие подобного рода организации, были неплохими ребятами, но иногда все же перегибали палку. Тогда приходилось действовать быстро и решительно. Нынешними лидерами мировой за кулисы были участники элитного клуба «Печер и Тиско» – все, кто хотел сделать карьеру в правительстве любой страны выше уровня министра, знали, от кого зависит их судьба.

Сейчас слишком многие в правящих кругах были недовольны политикой Онеже – неизвестной выскочки по мер-

кам сообщества. Подержав за необходимые ниточки, Тридцатьседьмой потратил весь день на сбор необходимой информации и закупку оборудования.

Вечер того же дня. Районы «красных фонарей» всегда выглядят и расположены одинаково, в любом городе любого мира в обитаемой Вселенной. Нет, не те, что отстроены для туристов – те всегда напоминают ярмарку, где каждый расхваливает товар, обворачивая его в самые яркие и красочные одежды. Разукрашенные на манер боевых амазонок «товары» с невозмутимостью профессионалов выполняют пожелания гостей. Под зорким присмотром охраны, разумеется.

Но это товар широкого потребления. Истинные источники разврата спрятаны куда как надежней. И клиенты у них совсем другого уровня – люди, которым ни к чему шума вокруг их персоны. Найдите самый неприметный район. Такой, в котором даже и не помыслишь, что здесь может находиться хоть что-то интересное. Обычные серые здания. Ничем не примечательные ворота из проржавевшей стали в ограде бетонной коробки заброшенного склада. За такими ширмами скрываются настоящие «империи страсти». Угощение на любой, даже самый извращенный вкус – отделанные дубом панели и бархатные стены будуаров заглушат любые звуки. Для любителей экзотики есть подвалы с цепями и колодками. И самый широкий ассортимент «товара». Молчаливый и улыбчивый персонал никогда не выдаст увиденного, а при случае проигнорирует пропажу кого-то из «това-

ров» – за определенную плату, конечно. И даже не вспомнят об этом, погружая тяжелый черный полиэтиленовый мешок в рефрижератор... Все для высокочтимых клиентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.